

DEUS EX INTELLECTUS

Бровкина А. Р.

Не стоит обожествлять интеллект.
У него есть могучие мускулы, но нет лица.

Альберт Эйнштейн

Краеугольным камнем современной технотизации общества является создание универсальных, совершенных машин, обладающих высокими «интеллектуальными» способностями и возможностями самосовершенствования. Механизация производства, 3D-принтеры, суперкомпьютеры, казалось бы, приближают человечество к этой заветной цели — к неизбежной и уже как будто естественной точке в социальной эволюции человечества.

Эта идея, зародившаяся на рубеже XIX–XX веков, в XX столетии окрепла и приобрела свои наиболее ясные контуры и черты. Быть может, она возникла бы гораздо раньше, если бы у нее были условия для реализации, а именно, технологии, техника, и уровень науки, аналогичный современному.

По-видимому, одной из скрытых («фоновых»), но принципиальных причин появления этой идеи является обожествление мышления. Обожествление с явным выпячиванием отдельных черт мышления и непониманием природы мышления в целом. Обожествление мышления, в свою очередь, есть отражение тех или иных человеческих отношений. Речь идет об отношении человека к самому себе через его отношения к другим вещам (в случае искусственного интеллекта — через отношения к «мыслящей» машине»), а через них — к другому человеку [3, с. 31].

В современном мире полно механизмов, выполняющих операции, которые в первом приближении требуют наличия интеллекта. Они могут делать «самостоятельно» даже то, что человеку в принципе не под силу.

Благодаря «гениальности» современных машин понятие «интеллект» превратилось сегодня врасхожее модное словцо, которое каждый стремится наводнить концептуальным смыслом. «Интеллект,— пишет А. Е. Никитин,— это самооптимизирующийся механизм поиска. Дальнейшее совершенствование поискового механизма приводит к конструированию модели мира» [5]. В данном случае под интеллектом понимается функция не только человеческого мозга, но и компьютера, то есть особого различия между двумя этими «носителями» не проводится. А. Е. Никитин выводит вышеуказанное определение интеллекта, опираясь на эпистемологию радикального конструктивизма, в частности на нейробиолога Г. Рота. «В компьютерных технологиях, которые относятся к системам искусственного интеллекта, виртуальная реальность, — отмечает А. Е. Никитин, — конструируется с помощью компьютера, который в данном случае выступает в качестве искусственного мозга, одновременно являясь как частью искусственно созданной им действительности, так и той реальной действительности, в которой он в данный момент находится» [5].

Американский психолог Р. Стернберг, тоже констатируя факт отсутствия четкого понятия интеллекта, а также указывая на невозможность в ближайшем будущем

вывести такое понятие, склонен, однако, утверждать, что интеллект есть «способность приспосабливаться к окружающей среде, в которой некто обнаруживает самого себя» [10, р. 176]; «интеллект есть нечто, что не только открывает, но и изобретает» [10, р.177].

Существует мнение, что интеллект — это «универсальная психическая способность, в основе коей может лежать генетически обусловленное свойство нервной системы перерабатывать информацию с определенной скоростью и точностью»[2].

Разброд в определениях интеллекта неизбежно приводит к одному вопросу: что же все-таки собираются явить свету ученые, если они собираются создавать искусственный интеллект по образу и подобию интеллекта человека? Каждое из исследовательских направлений, будь то математика, биология, нейронауки, IT-технологии и так далее, сконцентрированы вокруг своей специфической области исследования, что не позволяет им совершить теоретическую интеграцию и препятствует пониманию того, что такое интеллект вообще. Между тем тенденции 2013 года наглядно демонстрируют второе дыхание нейронаук, почетное место в которых отводится человеческому мозгу.

При сохранении тенденций современного общества философы, очевидно, продолжают представлять мозг, понимаемый ими как носитель и источник интеллекта, в гипертрофированном виде. Рассуждения Н. И. Чуприковой — тому пример: «Имеется одна реальность — маленький комочек живой материи, отражающий (воссоздающий, дублирующий, строящий, воспроизводящий, моделирующий) в процессах своей деятельности, в изменениях своих процессов и своей структуры весь мир, всю Вселенную» [8, с. 188].

Без искусственного мозга не будет искусственного интеллекта — таков вердикт современности. Д. Р. Серль, к примеру, считает, что, поскольку особые биохимические свойства мозга «позволяют достичь эффекта сознания и других видов ментальных явлений» [6, с. 10], «все ментальные явления вызваны нейробиологическими процессами мозга» [6, с. 11]. Из этого следует, что система, способная породить разум, должна обладать такими свойствами, которые эквивалентны свойствам человеческого мозга [6, с. 11].

Итак, перед нами отождествление мозга и интеллекта. Интересно заметить, что в переводе с английского термины *brain* и *intelligence* (*intellect*) по необходимости выступают синонимами. А поскольку мозг обыкновенно рассматривается чисто физиологически, определение интеллекта, соответственно, перенимает на себя некоторые физиологические характеристики, в действительности присущие мозгу. И наоборот: в свете повсеместной узурпации «*intellectusmechanismus*» рождаются механистические представления об уме. Как следствие, мозг, следуя традиции XVII века, начинает мыслиться как механизм, как машина.

Л. Фейербах еще в XIX веке с предельной ясностью подметил диалектику взаимодействия мозга и мыслительных процессов: «Я различаю мышление от мозгового акта и мыслю его самостоятельным. Но из того, что мышление для меня не мозговой акт, а акт, отличный и независимый от мозга, не следует, что и само по себе оно не мозговой акт» [7, с. 213]. Отчего же сегодня, два века спустя, наблюдается метафизическое разложение мозга и сознания? Стоит ли потом удивляться, что в результате подобных расчленений целого некоторые части, которые исследователь

только что закончил препарировать в уме, кажутся ему более значимыми, чем другие? Сам исследователь при этом страдает амнезией, «забывая», как функционирует само целое, и придумывает на основе эмпирии или некой туманной теории все новые и новые загадочные значения и функции для элементов, постоянно бросаясь то в одну, то в другую крайность.

В действительности способность мыслить — это не своеобразная мозговая активность, не особое взаимодействие нейронов в мозгу, точнее сказать, не только это. «Способность использовать свой мозг для мышления, — так же, как и руки для труда, как язык для говорения, — это от начала до конца, на все сто процентов, общественный продукт, деятельная функция общественного человека» [1, с. 267]. Способность мыслить не передается через генетическую наследственность, в процесс ее формирования включаются иные наследственные процессы, воплощенные в понятии культуры. Советский психолог А. Н. Леонтьев отмечал, что «в процессе своего онтогенетического развития человек вступает в особые, специфические отношения с окружающим его миром предметов и явлений, которые созданы предшествующими поколениями людей» [4, с. 21]. Учитывая данный факт, следует обратить внимание не на специфически-физиологическую сторону человека, а на явную взаимосвязь биологического и социального. Объем черепа человека или количество нейронов, синапсов и клеток едва ли сильно отличается от таковых у представителей ранних *Homo sapiens*. Однако «среды нашего обитания — формы общественного бытия — весьма разнятся между собой. Аналогичным образом отличаются и формы нашего сознания, а также определяющие их мозговые структуры» [9, р. 179].

Именно формы общественного бытия определяют не только понимание мышления, интеллекта и других явлений, но и в целом весь вектор развития философии и науки. Если принять во внимание этот факт, современных ученых и философов, с одной стороны, будет не в чем упрекнуть: их невозможно обвинить в глупости, поскольку они вполне компетентны в своих узкопрофильных областях знания (в той форме, в которой эти области знания существуют в данный момент времени). С другой стороны, ученых и философов нередко можно уличить в «абстрактности мысли», распространяемой ими даже на прописные истины.

Идеи о создании искусственного интеллекта глубоко проникли в массовую культуру, о чем свидетельствует, к примеру, множество фильмов, книг и компьютерных игр, в которых люди противостоят хитроумно построенным автоматам. Это явление, как отмечают А. Вудс и Т. Грант, «может поведать нам немало интересного о психологии текущего периода, характеризующегося повальной дегуманизацией общества вкупе с ощущением, что люди перестали быть хозяевами собственной судьбы, и страхом перед неукротимыми силами, господствующими над человеческой жизнью» [11, р. 402].

Разумеется, замена ручных средств и труда передовым машинным оборудованием — чрезвычайно важное завоевание человечества, ключ к началу величайшей культурной революции, итогом которой стало всеобщее сокращение продолжительности рабочего дня. Однако не может быть и речи о воссоздании человеческого мышления, человеческого интеллекта у машин, пусть даже с выполнением ряда операций они справляются не в пример лучше человека. И дело здесь не в том, что умственные способности — это якобы уникальный дар природы или, как выражаются некоторые люди, плод божественного творения, — дело в самой природе мышления и

интеллекта, которые невозможно отделить от всех прочих характеристик человека, начиная с наиболее существенной — труда.

Литература и источники:

1. Арсеньев, А. С. Машина и человек, кибернетика и философия / А. С. Арсеньев, Э. В. Ильенков, В. В. Давыдов // Ленинская теория отражения и современная наука. — М.: Наука, 1966. — С. 263–284.
2. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога [Электронный ресурс] / С. Ю. Головин. — Минск: Харвест, 1998. — 600 с. — Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/25/word/intelekt>
3. Ильенков, Э. В. Об идолах и идеалах / Э. В. Ильенков. — Киев: Час-Крок, 2006. — 2-е изд. — 312 с.
4. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. — 4-е изд. — М.: изд-во МГУ, 1981. — 584 с.
5. Никитин, А. Е. Эпистемология искусственного интеллекта :дисс. ... канд. филос. наук : 09.00.01 [Электронный ресурс] / Алексей Евгеньевич Никитин. — Архангельск, 2007. — 163 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/epistemologiya-iskusstvennogo-intellekta>
6. Сирл, Дж. Разум мозга — компьютерная программа? / Дж. Сирл // В мире науки. — 1990. — № 3. — С. 9–13.
7. Фейербах, Л. А. Против дуализма тела и души, плоти и духа / Л. А. Фейербах //Избранные философские произведения : в 2 т. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 211–238.
8. Чуприкова, Н. И. Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука / Н. И. Чуприкова // Методология и история психологии. — 2006. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 174–192.
9. Rose, S. The Conscious Brain / S. Rose. — New York: Vintage Books, 1976. — 446 p.
10. Sternberg, R. J. Teaching about the Nature of Intelligence / R. J. Sternberg //Intelligence. — 2014. — Vol. 42. — P. 176–179.
11. Woods, A. Reason in Revolt. Dialectical Philosophy and Modern Science / A. Woods, T. Grant. — Delhi: Aakar Books, 2007. — 440 p.